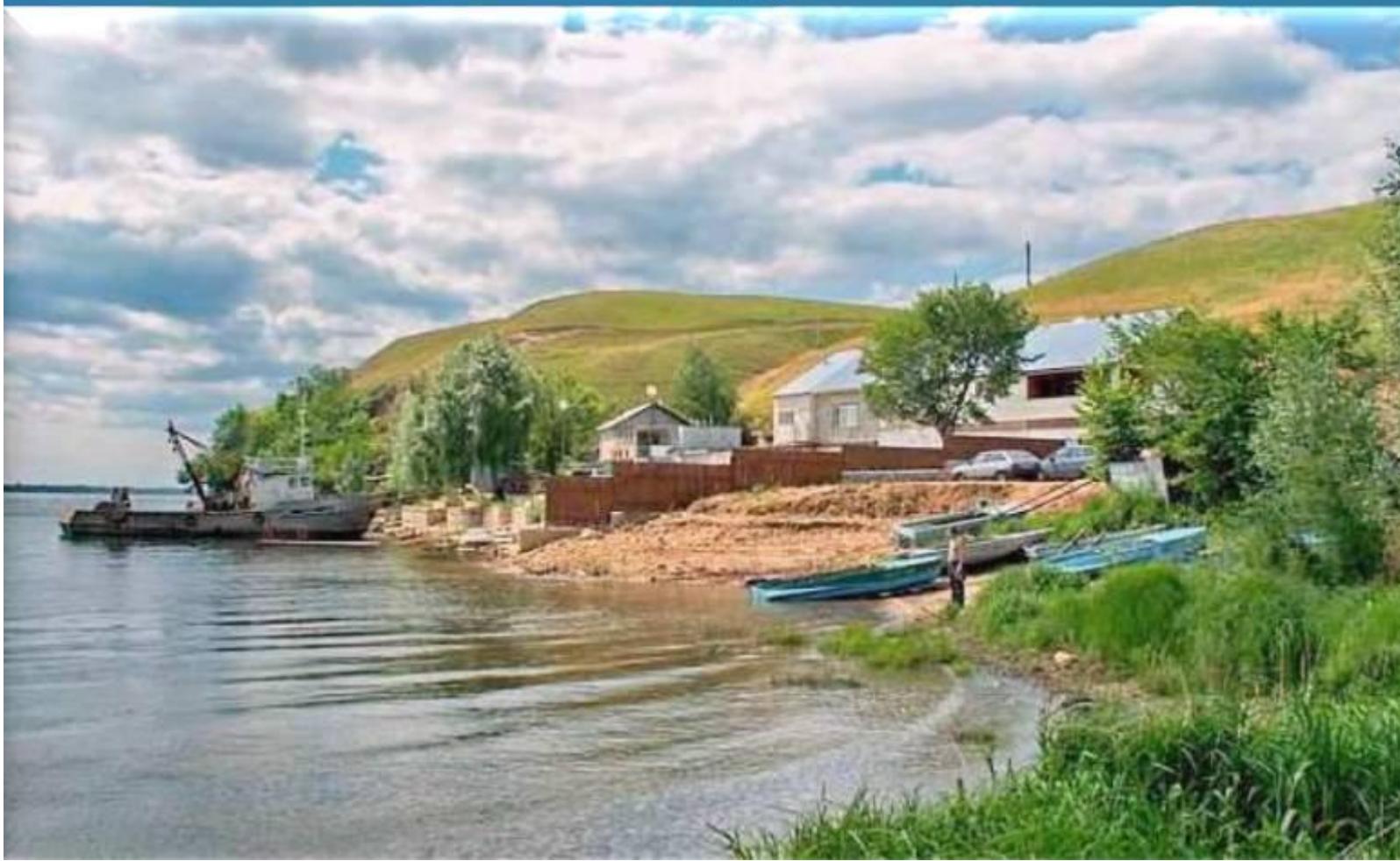

Владимир Грушевой

*Воспоминания.
О себе и других...*

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕБЕ И ДРУГИХ...

Глава 1. Детство

Родился я в Астрахани. Грязный, неухоженный город, наполовину русский, а наполовину не русский, большая часть из которых татары. Я часто просыпался под крик татарки, которая каждое утро приезжала на повозке на нашу Кремлёвскую улицу и визгливым, но громким голосом кричала: «Кому мпяака, кому мпяака». Это происходило ежедневно и очень рано, где-то в 7 часов утра.

Мой деда шёл к этой повозке и покупал жирное, ароматное молоко, сметану. Яйца у нас были свои. Я с детства привык вставать рано, под этот крик: «Кому мпяака», - просыпался и ждал, когда мой деда сделает мне гоголь-моголь. Я хорошо помню вкус этого гоголя-моголя, сейчас такого продукта уже не найдёшь. Куриные яйца стали без вкуса и запаха. Я с булкой, купленной дедом в то же утро в магазине на нашей улице, съедал всё это и шёл искать своих друзей, которые жили в соседских домах. В основном все дома были деревянные. В самой Астрахани строительного дерева как такового не было. В то время по Волге сплавляли огромные плоты из брёвен. Вот из брёвен после распилки и были сделаны наши дома, в основном двухэтажные. Кирпичные дома, которые принадлежали до революции богатым людям, были переделаны под многоквартирные дома и считались очень красивыми.

На чём я остановился. Хочу рассказать об играх, которые занимали львиную долю времени летом. Собирались мы, пацаны, в возрасте от шести и до каких-то лет на лавочке соседского дома. Там росли большие деревья, под листвой которого

было немного прохладнее. Потом мы шли на Волгу купаться. Играли в воде. Как мы называли эту игру, я не помню. Назову её догонялки. Задача, казалось бы, простая – догнать и коснуться рукой кого-либо из играющих. Тот, которого коснулись, должен был сделать тоже самое и т. д. На самом деле это очень физически трудная игра. Сильное течение и умение игроков использовать преимущества своего положения в воде, делали достижение основной задачи тяжело дающейся. А тот игрок, который умел быстро уходить на большую глубину и быстро плавать под водой, был недосягаем. Начиналась она, как правило, спонтанно и заканчивались также без всяких предварительных условий. Подобную игру мы затевали, как ни странно это звучит, на заборах или по заборам, даже не знаю, как правильной будет. Принцип тот же, достать или задеть кого-либо рукой. Задача не из простых, и правила игры довольно жёсткие. Главное правило заключалось в том, что для передвижения можно было использовать только заборы, крыши сараев, которые окружали наши дворы. Для этого нужны были сила, ловкость и продуманность своих действий. Если этого не сделаешь, тебя заблокируют в таком месте, откуда уже не будет выхода на другой забор, и в результате ты вынужден будешь спрыгивать на землю, а это означает, что ты проиграл, и теперь тебе предстоит догонять кого-то.

Заборов и сараев для игры было довольно много. В длину, где-то 100 м и в ширину столько же. Играй – не хочу! Почему я это вспомнил. Просто потому, что все игры были не только интересными, но и носили силовой характер. Развивались мышцы, развивалась сообразительность, умение выйти из сложной ситуации не только в физическом понимании, но и умственном также. Поэтому, к 19 годам все ребята были физически развитыми людьми и готовы были служить в армии, в нашей армии.

Я хорошо помню, как провожали моего брата. Это был праздник. Праздник города. Праздник веселья. Праздник слёз и рыданий. В основном, к обеду большинство призывников были уже на взводе, т.е., как говорят, пригубили немножко и настроение было у всех приподнятое. Играли гармошки, баяны и аккордеоны, пели песни и даже плясали. Я тоже играл на баяне. Играл я, по словам моего учителя, дяди Володи, неплохо. Было весело. А как пели за столом песни! На два голоса. Всех призывников собрали в казармах, где раньше дислоцировался танковый полк, и ближе к вечеру их построили, если можно так сказать, в колонну и

повели под командованием сержантов на железнодорожный вокзал. Сколько слёз было пролито в эти 3-4 часа до отправки поезда. Плакали матери, плакали девушки, плакали навзрыд, не стесняясь. Отцы, как правило, не ходили провожать. Прощались перед построением колонны и уходили отмечать этот день. Как его назвать праздничным или ещё как-нибудь, я не знаю. Не хочу давать ему названия. Этот день для каждого был разным. Сержанты, насколько я помню, были уже не призывного возраста, старше. Это были сверхсрочники. Офицер был один и появился он только перед самой посадкой астраханских призывников на поезд. Он вышел из поезда что-то сказал всем, кто был там, и провожающим, и призывникам, после чего началась погрузка на поезд. Это был 1965 год. Служили тогда ещё три года и с 19 лет.

Брат был старше меня на 5 лет. Он занимался многими видами спорта, но основной вид спорта была байдарка. Он ездил на соревнования в другие города. Занимал или не занимал какие-то места, я не помню, а точнее меня это тогда не интересовало. Брат был физически очень сильным, мог при необходимости постоять за себя. В армии он себя проявил, видимо, с хорошей стороны и стал водителем командира полка.

Каждой весной мой брат со своими друзьями тренировались на четырехвёсельной шлюпке, а я был у них рулевым. Это не трудно, но необходимо было учитывать течение Волги, которое при разливе было очень сильное. К этому времени уже начинали ходить туристические четырех- и пятипалубные корабли, которые пришвартовывались у причалов по одному, а иногда и по три сразу. Что мы делали, я имею ввиду всю команду. Это я – рулевой, загребной - мой брат, т.к. он был самым сильным и задавал темп гребли. На бакене, т.е. у носа шлюпки, сидел его друг. Он отвечал также, как я, за направление движения шлюпки по курсу. Вот, что мы делали. Выравнивали шлюпку так, чтобы она могла проплыть между туристическими кораблями, которые были пришвартованы у причала. Разгоняли шлюпку, как можно сильнее, и перед тем, как врываться в этот довольно узкий промежуток между кораблями, я в самый последний момент, командовал: «Вёсла по борту!» И шлюпка на всём ходу врывалась в этот промежуток между кораблями и, учитывая сильное во время разлива течение, вода кипела между кораблями, мы проскакивали всю длину кораблей за считанные секунды. Это был, как сейчас говорят, драйв. Тем более, что расстояние между бортами шлюпки и корпусом

корабля было максимум 10-15 см. Если заскочить в этот промежуток между кораблями под углом, то можно запросто разбить шлюпку. Скорость для того, чтобы разбить шлюпку была вполне достаточной. Я, окончив восьмилетку, также, как и мой брат, был загребным, также, как и мой брат со своими друзьями проскакивали между бортами туристических кораблей. И даже заняли второе место на соревнованиях в день рыбака на дистанции, а вот, какой именно дистанции, сейчас уже не помню. Грамоту мне пришлось отдать матери моего друга детства. Он влип в нехорошую историю и попал под суд. Его мать попросила эту грамоту, я, естественно, ей отдал. Для моего друга началась другая жизнь, жизнь в тюрьмах.

Подобная участь ждала не только моего друга детства, но и большинство парней моего возраста, чуть старше, чуть младше, которых я знал и с которыми рос на ул. Кремлёвской д. 3. Вспоминая себя, я всегда вспоминаю, в первую очередь, рыбалку на Волге. Такой рыбалки, как в те времена, когда не было мчащихся с невероятной скоростью различного рода речных и морских средств передвижения, Волга воспринималась как место, где можно было спокойно посидеть, а если было жарко, то искупаться. Не надо было никуда ехать, не надо было искать, где вода почище. Она везде была чистой. И когда мы на своей моторной лодке ездили в деревню, где жили родственники моего деда и моей матери, я лёжа на носу лодки, макал белый хлеб в воду и ел его - вкусно до безумия!

Ещё немного о гребле на шлюпках. Были два вида шлюпок – четырёхвёсельная шлюпка (речная) и шестивёсельная (река-море). Я со своими друзьями брали четырёхвёсельную. Насколько всё же было тогда проще. Никто из взрослых не контролировал нас, никто в самой морской школе не спрашивал и не следил за нами, что мы делаем. Я помню было так. Я, со своим другом детства пришёл к управляющему, спросил, есть ли ещё шлюпки. Шлюпки были, но их надо привести в рабочее состояние. А именно – прошпатлевать днище, отполировать, затем покрасить, подождать, чтобы она высохла, спустить на воду, вёсла в руки и вперёд с песней. Тренируйтесь, накапливаете в себе силы для дальнейшей жизни. Ответственность за шлюпку и всего остального лежала на мне, как капитане команды. Мы справились с этой несложной задачей за неделю. Хотя, в начале, предполагали, что нам удастся всё это сделать за пару дней. Но ошиблись. Не

буду вспоминать, что нам помешало прошпатлевать, дать высохнуть шпатлёвке, наждачной бумагой отшлифовать днище шлюпки, чтобы она скользила по воде без каких-либо помех. Затем грунтовка днища, затем ещё раз шлифовка днища, и последнее действие это окончательная покраска. Дать высохнуть краске и можно спускать шлюпку на воду. И, наконец, этот день настал.

Это происходило, если память мне не изменяет, в 20-х числах апреля. Конец разлива, вода, ну, очень холодная, не вся ещё сошла. Уровень воды ещё довольно высокий, но солнце греет на славу и хочется искупаться, но вода! Ну, очень холодная, а купаться всё равно хочется. Что мы делали, и не только мы, я знаю, делали так и на других шлюпках, привязывали шлюпку к дереву на пляже, он был ещё наполовину под водой, очередной желающий искупаться нырял в воду с носа лодки и тут же разворачивался лицом к лодке, а т.к. течение было сильным, при выныривании он оказывался уже в корме лодки, где двое из команды хватили его за руки и рывком выдёргивали из воды. Вода была, ну очень холодная! Она обжигала и тело становилось красным, нет не красным, - малиновым. Все красные (тельцы) ринулись на пограничные посты спасать (кого?) своего хозяина. Они отдавали себя в жертву, только бы хозяин был жив. О, чудо! Он жил, жив и будет всех живее!

РЫБАЛКА!

Авторитетно заявляю, что лучше рыбалки, чем на Волге, нигде нет! Одно хочу отметить, что раньше рыба ловилась везде, и в черте города, а в притоках, в протоках, в устье реки, там и говорить нечего. Когда я был маленьким, я хорошо помню, какие довольно крупные экземпляры щуки плавали под причалом для больших туристических и других кораблей. Сам причал был деревянным и базировался также на деревянных сваях. Вот под этими сваями и водилась щука, и было её там очень много. Но в то время щука в Астрахани не считалась съедобной для человека рыбой и никто её там не ловил. Даже был случай, что кто-то из нас поймал щуку руками. Самая захватывающая рыбалка была во время нереста воблы. Она валом шла из моря в Волгу, и ловить её не составляло большого труда. Экипировка рыболова была простой. Удочка самодельная из длинной ветки дерева, жилки любой толщины и 3-4 крючка, да грузил из чего угодно. Это портрет

рыболова любителя не очень большого возраста, где-то от 7-10 лет. И что вы думаете...? Я приносил домой свежую, только что пойманную мною воблу по 70-80 штук за утро, когда она особенно плотно идёт на нерест вверх по течению. Никаких ограничений не было. Лови сколько угодно. Сейчас это бизнес, и результат на лицо. В пределах Астрахани рыбы нет. Вода мутная, как будто в ней мыло растворяли. Раков тоже нет. Поэтому, чтобы почувствовать что такое рыбалка в Астрахани надо иметь прежде всего деньги, покупать место в различного рода базах для отдыха и только там вы можете действительно почувствовать все радости от рыбалки в Астрахани.

Про воблу. Именно про неё. А не про густёрку, которая, в своём младенчестве, лишь похожа на воблу. Мой дед и моя мама, а также все желающие родственники каждую весну и лето ходили на нашей большой лодке с каютой в село. Там нас уже ждали и начинались праздники с выпивкой, с закуской: балык из осетра, жареная осетрина и, конечно, неограниченное количество чёрной икры. Я наедался этой вкуснятиной до невозможного состояния. Но она, я имею в виду чёрную икру, была очень вкусной, и остановиться было, ну просто невозможно. Представьте себе. По середине стола стоит посуда величиной, ну, как маленький тазик, где-то на килограмм 6-8, и ты можешь есть эту икру столько, сколько хочешь, а хочется много...

И, как результат, после этого, частые посещения одного известного вам места. Взрослые пили самогон, потом пели и плясали. В общем, веселились на всю катушку. Обычно мы там бывали полный день. Рано утром, на рассвете, где-то часов в пять утра, деда подгонял лодку к дому на Кремлёвской улице, а мы, это моя мама, баба, иногда тётя Сима с дочкой и я загружались на лодку и вперёд, в село. Как оно называется, - забыл, но вспомню и допишу. Ура, вспомнил – Седлистое. Оно находилось, если определять географически, на острове, очень большом острове, и не воспринималось как остров. Это можно было определить только из самолёта, или если посмотреть по географической карте. Мы доходили туда ближе к вечеру. Несмотря на презентабельность нашей лодки, 10,5 метров, движок на ней стоял слабенький, всего лишь 6 лс. И двигались мы по воде очень, очень медленно. Где-то 15 км в час.

И так. Один день – приезд в село. Второй день – празднество, или попросту, пьянка и третий день отъезд домой. Пили самогон и водку. Пили очень много. Но я должен признать, я не помню своего деда пьяным. Он хорошо держал спиртное и никогда я не видел его шатающимся, не говоря уже валяющимся или падающим. Деда в молодости, ещё при царе был адъютантом у кого-то полковника и, когда тот покидал Россию, предложил уехать с ним и моему деду, но он отказался. А зря! Кстати, мать деда жила именно в Седлистом и я смутно, но помню двор, где она сидела в кресле в белом платочке. Умерла она, когда ей был 101 год.

Несколько зарисовок из жизни

Закончив 8 классов, я, будучи уже довольно развитым физически парнем, изначально планировал идти куда-нибудь учиться, чтобы получить профессию. Особых наклонностей к какой-либо профессии я у себя не находил. Я был действительно физически хорошо развит и так же, как и мой брат, занимался греблей. Тренером у меня была Валентина Семёновна, она же тренировала и моего брата. Видимо, она надеялась, что из меня получится хороший байдарочник. Я это узнал, когда она меняла клуб «Трудовые резервы» на «Динамо», забрала и меня в этот клуб. Действительно, этот клуб отличался от предыдущего. Был более профессиональным, не только в плане подготовки спортсменов, но и в оснащении базы подготовки. Там были тренажёры, был бассейн для отработки правильной гребли. Т.е. бассейн размерами несколько большими, чем длина восьмёрки, и ширина чуть больше размаха вёсел. Через этот бассейн проходил брус, на котором по середине было оборудовано байдарочное сиденье. Оснащение зала позволяло отрабатывать непосредственно греблю, не выходя из зала. Там же тренировались не только байдарочники, но и ребята академической гребли.

Академической греблей занимался и мой сосед по дому. Байдаркой я занимался весь 7-ой и немного 8-го класса. Но у меня была проблема, которую я так и не решил. Проблема была в сиденье для байдарки. Я не мог удержать равновесие на байдарке, когда сидел на этом сиденье. Это явилось основной причиной моего ухода из секции. Валентина Семёновна приходила к нам домой и уговаривала мою мать, чтобы она повлияла на меня в плане посещения тренировок. Но, увы! Я так и не ходил на тренировки. Может быть, и зря. Ведь не

просто так приходила моя тренер и просила мать, чтобы она заставила меня ходить на тренировки. Нет. Я так и не пошёл больше в эту секцию. На этом и закончилась моя байдарочная эпопея.

Иногда мой сосед брал меня на тренировку в качестве рулевого. Позиция рулевого на академической лодке была не очень удобной. Рулить приходилось практически лёжа, и рулить не руками, а ногами. И это в течение 2-х, а то и 3-х часов. Поэтому я несколько раз соглашался выполнять функции рулевого, но вскоре отказался от этой миссии. Это была 8-ка. Члены команды были из отслуживших в армии парней, на много старше меня, и у меня не было ничего общего с ними.

Интересное предложение было сделано мне летом на каникулах, между 8-м и 9-м классом. Было, как всегда, очень жарко. Я купался в Волге, напротив своего дома. Ко мне подходит мужчина и начинает меня расспрашивать. Сколько мне лет, в какой класс перешёл, как закончил 8 классов, каким спортом занимаюсь и где живу. Я ему, видимо, что-то отвечал. Потом я его видел ещё несколько раз, там же, на берегу Волги. И вот, в один из дней, он приходит к нам домой, к моей матери, и предлагает ей, чтобы я продолжал учёбу в Ленинградском суворовском училище. Но моя мать не согласилась с этим предложением. Почему, не знаю!

В августе этого же лета я со своим дедом на лодке поехали на рыбалку, на взморье! Как всегда вышли мы на лодке очень рано, где-то в 4.30 утра. Прошли канал, вышли на большую воду и не спеша, а на нашей лодке иначе не получится, пошли по течению к морю. Я лежал на крыше каюты и смотрел на воду. И вдруг, я даже оцепенел, у поверхности воды дрейфовал осётр, причём невероятного размера, где-то до 3-х метров. Я крикнул деду, что в том месте стоит у воды осётр, он тут же развернул лодку, но, к сожалению, осетра на том месте уже не было. Уплыл, зараза! Икры в нём было бы очень-очень много! Жалко! Я сейчас описываю тот момент, когда я его увидел, и у меня возникли те же ощущения, что и тогда, на Волге. Восторг от увиденного и надежда, что мы сейчас его загарпуним. Ничего не поделаешь, осётр же не будет ждать, когда мы его загарпуним, и уплыл дальше, в сторону Волгограда.

К часам пяти вечера мы дошли до первого рыбнадзора. У деда были там знакомые и, как положено, ближе к вечеру, деда и сотрудники рыбнадзора сели пить водку, закусывая недавно приготовленной паюсной икрой и осетровым балыком. Я не участвовал в распитии водки, но икру и балычок попробовал. Очень вкусно! На следующее утро, ещё затемно, я завёл двигатель, разбудил деда в каюте и мы пошли по протокам на взморье Каспийского моря.

Уже рассвело. За штурвалом был я, а дед готовил снасти к работе. Проверял узлы, смотрел, чтобы не было затяжек и т.д. И в 6.30 мы остановились на водной станции какого-то рыбколхоза. Дальше плыть пока было нельзя! Дед взял у них куласик, это длинная узкая лодка, управляемая длинным шестом. Я никогда ещё не управлял таким транспортом, но, посмотрев, как это делает дед, понял принцип управления этим водяным транспортом. Направление осуществляется с помощью шеста, которым надо толкать корму куласика в зависимости от необходимости изменения направления движения либо в правый борт, если надо было поворачивать направо, либо в левый при необходимости поворачивать налево. У меня это получилось сразу. Я сменил деда на корме. Кроме сетки, у нас было охотничье ружьё 16 калибра. Это по слабее, как я потом узнал, чем ружьё 12 калибра, но для охоты на утку, было самый раз.

На куласике мы добрались где-то за два часа до места установки сетей. Да, не простое это дело, устанавливая сеть. Она должна быть установлена незаметно и очень быстро. Устанавливали мы сеть между двумя островками камышей, которые возвышались над водой на расстоянии друг от друга приблизительно метров 50. Что представляет собой каспийское взморье. Это водяная гладь, раскинувшаяся на несколько десятков квадратных километров и усеянная камышовыми островками, в которых прячется съедобная и не съедобная пернатая дичь. Глубина была не большой, от одного метра до полутора метров.

Мы с дедом справились с такой сложной задачей довольно быстро. Где-то 15 минут на каждую сеть. Мы поставили две сети, изготовленные моим дедом из капроновой нити. Сетки были очень большие и тяжёлые, когда намокнут. Деда вязал сетки не только для себя, но и для других. Конечно, не за спасибо. Это очень

кропотливый труд и нужна выдержка и привычка часами вязать эту сеть! И деда вязал и терпел. А куда денешься?

Времени было мало. Часов 7-8 утра, и я пожалел, что не взял с собой хоть одну донку. Можно было бы половить рыбу на леску. Снимать сети будем завтра. Пришлось ни с чем опять толкать куласик до базы. Деда пошёл с мужиками пьянствовать, а я взял донку и начал ловить рыбу. Ловить - громко сказано. Она не ловилась, а чуть ли не сама запрыгивала в лодку. В основном, это был не крупный подлещик и вобла. А вобла была довольно крупной. Мешали очень комары. Никакие мази не помогали. Комары были огромные и, чем ближе к вечеру, их становилось всё больше и больше. И наступил час истины. То есть, у меня не хватало выдержки бороться с этим комарьём, и я быстренько установил марлевый полог на каюте и залез в него, проклиная тот день, когда я согласился ехать в этот кошмар. Мне захотелось в определённое место, я бежал туда и обратно, не останавливаясь ни на секунду. И, что? Они искусали меня, как будто я был голый. Я пощупал свою голову и даже испугался. Голова, лицо, шея представляли собой нечто бесформенное, и как будто надутое образование. И это разве комары. Это чистой воды вампиры. Самые настоящие! Если хоть одна небольшая дырочка оставалась не закрытой на пологе, к этой дырочке выстраивалась очередь из громадного количества комаров. А вот моего деда они почему-то не трогали. Интересно, почему? Что я сделал этим комарам плохого? В общем, весь день и вечер я просидел под пологом. А ночью, когда обостряются слух и зрение, создавалось впечатление, что вокруг полога летает бомбардировщик и вот-вот сбросит на тебя атомную бомбу. Но всё-таки я уснул под это зловещее гудение.

Разбудил меня деда рано-рано утром и мы, привязав куласик к лодке, потихоньку поплыли на взморье, к сеткам. Когда подошли непосредственно к камышам, где начиналась маленькая глубина, деда заглушил мотор и мы вдвоём начали толкать шестами лодку. Это было не очень тяжело. Всё-таки, вода, а не асфальт. Так мы дотолкались до наших сетей. Как деда запомнил это место, до сих пор не пойму. Ведь все эти камышовые островки были похожи, и как деда определил, что это именно то место, где стоят именно наши сетки, не знаю. Но это были действительно наши сетки! Сетки были просто набиты рыбой, а именно очень крупным подлещиком. Деда вытаскивал рыбу из сетки. Это надо уметь делать,

знать, как тащить застрявшую рыбу из сетки. А я укладывал ее в кормовой отсек, обложенный полиэтиленом. Рыба была тут же посолена очень крупной солью. Вытащили мы двумя сетками 378 подлещиков. Там были и подлещики, и вобла, и окуньки, и две не большие щуки. Но места не хватило для всей рыбы. Оставшуюся рыбу засунули в носовой отсек лодки.

Но надо было подбить хотя бы парочку уток, или парочку гусей. Времени для этого было вполне достаточно. К вечеру мы были готовы в путь назад, в Астрахань. Рыбой до весны мы были обеспечены. Подлещик лежал ещё сутки в соли, т.к. он был крупный, где-то 30 см в длину и в ширину где-то 20 см. Поэтому он должен просолиться. И уже дома.

Как я охотился на дичь...

Уложив рыбу, я взял куласик и наметив камышовый островок, в который, как я заметил, заплыла кучка уток. Потихоньку стал подплывать к ним, стараясь как можно тише плыть, чтобы они меня не услышали. Я подплыл к этому островку и начал потихоньку продвигаться вперед через камыш. Я его пересёк, но уток так и не увидел и только, когда я вылез с другой стороны камыша, увидел, что эти утки, естественно, услышав меня, отплыли на приличное расстояние, как-будто бы ждали, что я дальше буду делать. Ружьё у меня было заряжено и курок был взведён, не хватало одного, в кого стрелять. И вдруг эта стайка уток стала подниматься и, поднявшись на небольшую высоту, резко развернулась и полетела прямо на меня, одновременно набирая высоту. Я, имея молниеносную реакцию, схватил ружьё. поднял его в направлении летящих уток и нажал на курок. А дальше я ничего не понял. Я лежу на днище куласика, а ружьё валяется рядом со мной и почему-то болит правое плечо. Я встал и всё понял. У охотничьих ружей сильная отдача и, чтобы не травмировать плечо, необходимо во время выстрела прижать приклад к плечу, как бы создавая единое целое, плечо-приклад. Я этого не сделал и результат на лицо, точнее, на плече! Плечо немного побаливало, но движения не ограничивало. Желание охотиться у меня пропало. Всю дичь на ближайшие полкилометра в округе я своим выстрелом поднял на крыло, и они с удивлением на меня смотрели словно говоря: «Ты, чаво, мужик, зачем шум поднимаешь!?» Действительно, погода была не то

чтобы хорошей , она была изумительной. Дул лёгкий бриз и было очень приятно ощущать на лице прохладный ветерок и жгучее солнце одновременно.

Я сломал ружьё и увидел, что в спешке, не имея ни малейшего опыта, нажал на оба крючка и, как результат моего опрометчивого поступка, сильная боль в плече. Подплыв к лодке, я рассказал деде, как я выстрелил по уткам, и добавил, чтобы я разделся и посмотрел плечо, что я и сделал. Плечо было ярко красного цвета и немного припухшим. Время было собираться. Я ещё немного половил на удочку подлещиков, так, для засолки, и мы, наведя порядок в лодке, прицепив куласик, тронулись назад к протокам Волги.

Как деда ориентировался в этой неменяющейся картине воды, зарослей и камышей, я не понимаю. Но мы благополучно добрались до места, где можно было запускать двигатель. О двигателе. Это был одноцилиндровый бензиновый двигатель, который пожирал невероятное количество бензина, извлекая из себя, аж, целых 6 лошадиных сил. И, что это за лошади такие, наверное, карликовые, потому что двигатель работал размеренно, но громко и, как будто, не спешил куда-либо. Заводился он также довольно оригинально. Брезентовый хомут равный по ширине маховику, который находился снаружи самого двигателя, наматывался на него на полтора оборота, и деда, или я брались за свободный конец этого хомута и как можно резче выдёргивали его как бы из под маховика, и двигатель в благодарность за это сначала медленно, но, постепенно увеличивая обороты, начинал свою тяжёлую, однообразную работу. Для того, чтобы завести двигатель, нужна была сила, и не каждый смог бы завести его. Опасность эксплуатации такого двигателя заключалась в прямом контакте с его движущимися частями, а именно с маховиком. Поза такая. Ты стоишь, расставив ноги на ширину, превышающую диаметр маховика, согнувшись как можно ниже к нему, чтобы можно было сделать резкий и мощный рывок. Случилось так, деда немного выпивши заводил двигатель обычным способом, в брюках по тогдашней моде очень широких, дёрнул хомут и создавшееся от раскрутки маховика движение воздуха притянуло штанину его брюк к маховику, штанина зацепилась за небольшой штырь на маховике, за который цеплялся хомут. Результат – сломанная нога. Но это было уже тогда, когда я с мамой жил на улице Плещеевой, 64. Это был 5-ти этажный кирпичный дом.

Это был 1967 год, я перешёл в 8-ой класс 2-ой средней школы. За лето я повзрослел, усиленно занимался тяжёлой атлетикой и как результат сорвал спину. Решил в толчке взять рекордный для себя вес 105 кг и, несмотря на то, что я одел пояс, который удерживал позвоночник, но не удержал. Штанга пошла за спину, я вынужден был отпустить её и она благополучно с грохотом упала на помост. Я неделю провалялся в кровати, но в школу ходил, потом пошёл на тренировку и понял, что с такой болью я уже ничего не подниму. В это время проходили соревнования по тяжелой атлетике. Я был там, как-то не очень меня подвигло заниматься дальше этим видом спорта. Не покорив ни одной из вершин пьедестала тяжёлой атлетики, я перестал заниматься этим в буквальном смысле слова, тяжёлым видом спорта!

Что ещё из детства я пропустил. Помню, как порезал ступню правой ноги об разбитую пол-литровую банку в воде. Мне было тогда где-то 10-11 лет. Мы, пацанва, залезали на бревно с помощью которого был пришвартован к берегу, как же он назывался, чёрт побери, потом посмотрю в интернете, боевой корабль класса река - море и цепляясь за канат пытались сбросить друг друга в воду. Кому-то это удалось, я упал в воду, но боли не почувствовал, но когда сидя на бревне вытащил правую ногу из воды и увидев, что в ноге в ступне застрял большой кусок стекла от банки, я конечно же испугался. А вот плакал или нет, не помню. Кто – то побежал в мой двор и вернулся уже с дядей Женей. Это был сосед с первого этажа. Он взял меня на руки и понёс в больницу, которая находилась за баннным двором. Кто-то влил мне в рану пол-пузырька йоду и я был благополучно донесён до больницы. Ногу мне зашили, наложили повязку и забирала меня из больницы уже моя мама. Что мне было за это, не будем вспоминать.

Помню, как порезал ногу и опять правую, под щиколоткой. Как помню, но обо что не помню. Рана была круглая, и не было крови. Поэтому мне её просто продезинфицировали и перевязали. Помню, как порезал ногу и опять правую, но уже выше щиколотки. Но, по сравнению с предыдущими, эта была, можно сказать незначительной. Помню, как разбил себе лоб. В то время в районе банного двора укрепляли или по-другому, бетонировали берег Волги. Для этого нужно было много песка, его навезли и высыпали горой возле берега Волги. Вся пацанва, конечно же, была на этой горе, которая по тем годам мне казалась очень-очень большой. Моя

мама шла, хорошо помню с тазиком, почему тогда в баню ходили именно с тазиками, понятия не имею, из бани домой и, увидев меня на горе, позвала меня. Я быстро стал спускаться с горы на пятой точке и уже подкатываясь к подножию горы решил ускорить этот процесс, встал на ноги и не сбавляя темпа побежал по горе. На этой же скорости побежал по бульжной дороге, споткнулся об булыжник и со всего размаху шмякнулся лбом об эти булыжники. Потекла кровь и я в больнице. Мне поставили скобки. Шрам так и остался на всю жизнь.

Рига, апрель 2013г.

*©В.Грушевой, 2013
На правах рукописи*